

АФГАНИСТАН

ВЗГЛЯД С СЕВЕРА

ДМИТРИЙ ТРЕНИН,
АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

ВАШИНГТОН ■ МОСКВА ■ ПЕКИН ■ БЕЙРУТ ■ БРЮССЕЛЬ

АФГАНИСТАН: ВЗГЛЯД С СЕВЕРА

Дмитрий Тренин, Алексей Малашенко

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

ВАШИНГТОН ▪ МОСКВА ▪ ПЕКИН ▪ БЕЙРУТ ▪ БРЮССЕЛЬ

УДК 327.8
ББК 66.4 2(Рос)
Т66

Перевод с английского Максима Коробочкина.

Afghanistan: A View from the North.

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books>.

В брошюре отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Распространяется бесплатно.

Тренин Д. В.

Т66 Афганистан: взгляд с севера / Дмитрий Тренин, Алексей Малашенко; пер. с англ. М. Коробочкина; Моск. Центр Карнеги. — М., 2010. — 35 с.

ISBN 5-86280-083-2

Брошюра посвящена российской точке зрения на афганскую проблему. Описаны внутривнутриполитическая обстановка в Афганистане и Пакистане, динамика развития событий в этих странах. Проанализированы интересы России в регионе, их совместимость с интересами других внешних игроков — в первую очередь США, Китая, Индии и мусульманского мира.

УДК 327.8
ББК 66.4 2(Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 Введение
- 9 Ситуация в Афганистане и Пакистане
- 13 Реальные и предполагаемые интересы России в Афганистане и ее цели в отношении военно-политической деятельности коалиции в этой стране
- 17 Политика России по реализации своих интересов в Афганистане
- 21 Соотношение интересов России и других держав
- 25 Можно ли примирить все эти интересы?
- 27 Как обеспечение Россией собственных интересов повлияет на стабилизацию в Афганистане и успех коалиции в этой стране
- 29 Выводы и рекомендации
- 33 Об авторах
- 34 Summary
- 35 О Фонде Карнеги

ВВЕДЕНИЕ

В 2009 г. Россия отметила две печальные круглые даты: годовщины вторжения в Афганистан в 1979 г. и вывода войск из этой страны в 1989-м. Эта десятилетняя война, стоившая жизни 14 300 советским солдатам, и сегодня остается в России одним из наиболее болезненно воспринимаемых событий недавнего прошлого. К ее началу СССР находился в зените могущества, а его соперник, США, напротив, казался «жалким, беспомощным гигантом». Только что был свергнут союзник Вашингтона — иранский шах, посольство США в Тегеране было захвачено, а американские дипломаты взяты в заложники. Когда же 40-я армия уходила из Афганистана, советская империя уже вступила в заключительный этап своего существования. После 1989 г. россияне предпочитали вообще не думать об Афганистане, да и о мусульманском мире в целом; этот феномен получил название «афганский синдром». Так, в процессе распада СССР в 1991 г. центральноазиатские республики поначалу намеренно были оставлены за рамками постсоветского Содружества. Однако вскоре исламский мир сам постучался в двери Москвы. В 1990-х годах Чечня и Таджикистан, Дагестан и Ингушетия стали полем боя, где российские солдаты сошлись в противоборстве с боевиками-мусульманами, во многом напоминавшими моджахедов, с которыми Советская армия воевала в Афганистане.

Что русские прежде всего поняли в горах Гиндукуша — так это то, что радикальный ислам — мощная сила. Кроме того, они осознали, что реформы в традиционном обществе имеют свои пределы, а навязать модернизацию извне невозможно. Они поняли, как важно учитывать хитросплетения трайбалистских структур. Они узнали, что деньги здесь сильнее оружия, а религиозные убеждения и племенные обычаи сильнее денег. И еще им стало очевидно, что любые отношения с афганцами носят обратимый характер: враги могут вдруг превратиться в союзников, а союзники — с легкостью предать, и что эти временные враги и союзники по сути одинаково не любят чужаков, хотя и не упустят случая использовать их к своей выгоде. Наконец, они горько пожалели, что не изучили афганский опыт англичан, потерпевших неудачу в этой стране столетием раньше.

После 11 сентября 2001 г. Россия готова была оказать Соединенным Штатам весьма существенную помощь в их борьбе с «Талибаном». На протяжении всех пяти лет, когда это исламистское движение

Что русские прежде всего поняли в горах Гиндукуша — так это то, что радикальный ислам — мощная сила.

контролировало Кабул, а затем и почти 95% территории страны, Москва опасалась радикализации — при содействии талибов — всего постсоветского пространства: от Центральной Азии до Северного Кавказа и других мусульманских республик России. В то же время Москва тщательно старалась избежать прямого вмешательства в афганские дела — помимо материальной поддержки своих союзников, боровшихся против талибов на севере страны, и передачи США ценных разведданных. Укрепляя свое влияние и обеспечивая собственные интересы в Центральной Азии, она была готова отдать Афганистан международной коалиции во главе с США. В конце концов, американцы и их союзники сражались против потенциальных противников России и тем самым устраняли наиболее реальную внешнюю военную угрозу ее безопасности.

Поначалу на Москву большое впечатление произвели быстрота и очевидная легкость, с которыми коалиция одержала победу в ходе операции «Несокрушимая свобода», но затем она с облегчением убедилась, что американцы — не сверхчеловеки и, подобно советским руководителям, тоже допускают ошибки. Со временем, однако, это комфортное ощущение сменилось нарастающим беспокойством относительно последствий возможной неудачи США и их союзников в Афганистане, а также ухудшения ситуации в Пакистане и даже конфликта между Исламабадом и Дели. Эта озабоченность определяет позицию России и сегодня, когда Вашингтон объявил о новом политическом курсе в Афганистане, усилении там своего военного присутствия, и начал серию операций с целью нанести военное поражение талибам, чтобы «подготовить» их к национальному примирению на условиях Кабула (а точнее — США).

Данная брошюра отражает российскую точку зрения и российский опыт. Мы начнем с анализа внутривнутриполитической обстановки в Афганистане и Пакистане и динамики развития событий в этих странах. Затем остановимся на интересах России в регионе, проанализируем, насколько они совместимы с интересами других внешних игроков, в первую очередь США, Китая, Индии и мусульманского мира. В заключение сформулированы некоторые выводы и рекомендации.

СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ И ПАКИСТАНЕ

АФГАНИСТАН:
ВЗГЛЯД
С СЕВЕРА
9

Администрация Обамы несколько изменила задачи коалиции в Афганистане. Теперь вместо искоренения «аль-Каиды», разгрома талибов и помощи афганцам в построении современного демократического государства, дружественного Западу, акцент делается на изоляции и ликвидации наиболее радикальных элементов движения «Талибан» при параллельном налаживании диалога с его умеренными представителями и стабилизации обстановки в Афганистане до такого уровня, когда он перестанет быть источником опасности для Запада и движущей силой нестабильности в собственном регионе.

Этот подход, несомненно, более реалистичен. Однако нынешняя стратегия Соединенных Штатов, очевидно ставшая результатом компромисса между различными кругами в правительстве и структурах, обеспечивающих национальную безопасность, остается противоречивой. «Аль-Каида», борьба с которой стала главной причиной военной интервенции США в Афганистане, в основном покинула страну. Считается, что руководство организации находится в Пакистане, а свои операции она проводит с территории других стран, например, Йемена. Хотя «Талибан» по-прежнему поддерживает контакты с «аль-Каидой», он все же представляет собой афганское, а не транснациональное движение. Коалиционные силы во главе с США, чья первоначальная цель заключалась в уничтожении организаторов терактов 11 сентября и тех, кто предоставил им убежище, теперь по сути участвуют в гражданской войне в этой мусульманской стране.

Результатом усилий Запада в сфере государственного строительства в Афганистане стало принятие конституции и создание механизма регулярных выборов. Однако президентские выборы 2009 г. не принесли стабильности. Легитимность власти Хамида Карзая вряд ли укрепилась из-за многочисленных подтасовок в ходе голосования. Парламентские выборы, первоначально запланированные на весну 2010 г., отложены — и для этого есть веские причины. Устойчивой и сильной центральной власти в Афганистане как не было, так и нет. Но такая ли уж это проблема? Децентрализация политического

Один из главных приоритетов нынешней американской стратегии — укрепление афганской национальной армии.

процесса соответствует традициям этой страны, а любая попытка усилить центральную власть немедленно порождает недовольство. Более того, основная проблема в Афганистане связана не с конфликтом между Кабулом и провинциями, а с этническим балансом внутри правительства. И здесь самый интригующий вопрос касается связи между пуштунами, составляющими значительную часть (но не большинство) населения страны, и движением «Талибан».

Положение и перспективы самих талибов остаются неясными. Уже очевидно, что это движение — не аномалия, каковой его считали в середине и конце 1990-х, но способно ли оно стать легитимной политической силой? Превращаются ли талибы в организацию пуштунских националистов, или остаются непримиримыми революционерами-исламистами, или внутри движения существуют обе эти тенденции? Насколько монолитен афганский «Талибан»? Проявят ли талибы сговорчивость в ответ на предпринимаемые теперь Западом попытки завоевать их поддержку или хотя бы согласятся ли они прекратить противодействие? С учетом того, что пуштунские племена живут по обе стороны афгано-пакистанской границы и по сути не признают линию Дюранда, проходящую через их территорию, насколько прочны связи между афганскими и пакистанскими талибами? Серьезная разработка любой политической или военной стратегии в Афганистане должна предполагать ответы на эти вопросы.

Помимо проблемы противостояния талибов и Кабула есть еще и противостояние пуштунов с Кабулом, хотя сам президент Карзай — тоже пуштун. От того, будет ли решен этот вопрос, и если да, то каким образом, зависит будущее Афганистана. Это, однако, могут сделать только сами афганцы. Поддержка, которую оказывали и оказывают другим афганским этническим группам (например, таджикам и узбекам) внешние силы — в том числе СССР в прошлом и коалиция во главе с США в настоящем, — лишь вызывает возмущение против иностранцев и тех, кого считают их агентами, в том числе Хамида Карзая. В целом иностранное военное присутствие в стране способствует поддержке афганцами джихада. Необходимо понимать, что в отличие от Ирака, где американские и союзные войска по сути оказались между двух огней в гражданской войне суннитов с шиитами, в Афганистане западные державы стали прямым участником внутреннего конфликта, как это было и с СССР в 1980-х годах, и повстанцы воюют против них под знаменем ислама.

Сохраняющаяся неясность относительно политических целей и задач усугубляется недостатком знаний о стране. В результате, как в свое время с Москвой, сегодня афганцы ведут эффективную лоббистскую деятельность в отношении Вашингтона, и американцы рискуют оказаться в положении, когда их местные союзники, подобно

**Будущее Пакистана —
чрезвычайно важная
проблема, причем не
только для региона,
но и для всего мира.**

пресловутому Ахмеду Чалаби в Ираке, будут манипулировать ими в собственных целях. Что же касается обратного процесса, то США способны манипулировать афганцами в куда меньшей степени.

В военном аспекте талибы контролируют до 50% территории страны. Оценки их военного потенциала стильно варьируются, но «Талибан», несомненно, имеет современное оружие, умеет вести боевые действия небольшими группами и координировать свои операции, выбирая для ударов важные объекты. Тактика талибов отличается большим разнообразием, чем у моджахедов в 1980-х годах, и включает использование террористов-смертников. Как и в прошлом, одним из преимуществ формирований, сражающихся против иностранных войск, является поддержка населения. Борьба за умы и сердца афганцев представляет собой самую трудную задачу коалиционных сил, если учесть культурную пропасть, разделяющую в основном западный контингент и простых афганских крестьян.

Один из главных приоритетов нынешней американской стратегии — укрепление афганской национальной армии. Увеличение ее численности и повышение качества боевой подготовки крайне важно, но еще большее значение имеет этнический состав правительственных войск. Например, наличие слишком большого количества таджиков на командных должностях не завоеует армии симпатий пуштунов. Впрочем, военная победа в Афганистане невозможна в любом случае. Талибов можно заставить отступить, но полностью избавиться от них нельзя, как и контролировать это движение извне. Идея «приручения» радикальных исламистов глубоко ошибочна. Их нельзя купить. Они нарушат любые соглашения, если сочтут, что затрагиваются их интересы. Манипулировать ими можно, но лишь недолго. В конечном счете они никогда не оправдают надежд «кукловодов». Впрочем, возможно, существуют способы направить их энергию на иные, менее опасные и более конструктивные цели.

До военного переворота левых, который в конце концов привел к советскому вторжению, Афганистан был слабо централизованным «сонным царством» — нейтральным буфером между Российской/советской империей и ее соперниками — сначала Великобританией, а затем США. Питательной средой радикализма в Афганистане стала иностранная оккупация. Конечно, тридцать с лишним лет непрекращающихся войн нельзя сбрасывать со счетов, и «сонным царством» Афганистан не будет уже никогда, но окончание конфликта может привести к тому, что афганцы (включая талибов) сосредоточат усилия на восстановлении страны. Кроме того, национал-исламисты, возможно, будут готовы и к международному диалогу. В качестве посредников могли бы выступить Китай и мусульманские страны — например, Малайзия или соседняя Туркмения. А подходящим форумом

для такого диалога представляется Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Впрочем, какую бы форму ни приняло мирное урегулирование в Афганистане, оно не должно обуславливаться решением пакистанской проблемы.

В последнее время проблемы, с которыми сталкивается коалиция во главе с США, принято подытоживать аббревиатурой «АфПак». Естественно, общая граница означает и взаимосвязь. Целей в Афганистане невозможно достичь без учета ситуации в Пакистане и соответствующих действий в отношении этой страны. Однако объединять афганскую и пакистанскую проблемы бессмысленно. В Пакистане живет более 140 млн человек, по численности населения он сравним с Россией. Он обладает ядерным оружием. Главное направление его политики — индийское: эти две страны несколько раз воевали друг с другом начиная с раздела Кашмира (конфликт из-за этой территории продолжается по сей день), именно они являются участниками ядерного противостояния на субконтиненте. Пакистан — ценный союзник и для США, и для Китая, тесная дружба связывает его с Саудовской Аравией, финансировавшей ядерную программу Исламабада.

Пакистанское общество носит куда более сложный характер, чем афганское. С момента обретения независимости шестьдесят с лишним лет назад ситуация в стране постоянно меняется. Энергичный и все более многочисленный городской средний класс Пакистана выступает за модернизацию и демократический строй, а религиозные экстремисты превратили тысячи медресе в «фабрики по производству джихадистов». Вооруженные силы, обладающие большим влиянием, взяли на себя роль гаранта порядка. Именно в руках военных находится пакистанский ядерный арсенал, именно они участвовали в создании «Талибана» и готовят радикалов-боевиков, которые во имя борьбы за Кашмир нередко совершают нападения на объекты в глубине индийской территории. Добавим сюда Абдула Кадир Хана, ведущего пакистанского ученого-атомщика, признавшего, что он в одиночку организовал международный «ядерный базар», и картина становится более или менее репрезентативной, пусть и неполной. Будущее Пакистана — чрезвычайно важная проблема, причем не только для региона, но и для всего мира. Привязка в Афганистану — лишь один из многих аспектов этого вопроса.

РЕАЛЬНЫЕ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В АФГАНИСТАНЕ И ЕЕ ЦЕЛИ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОАЛИЦИИ В ЭТОЙ СТРАНЕ

АФГАНИСТАН:
ВЗГЛЯД
С СЕВЕРА
13

Сегодня Россия смотрит на Афганистан в основном через призму угроз собственной безопасности и безопасности своих соседей в Центральной Азии, где Москва стремится к «мягкой гегемонии». Афганский вопрос также представляет собой один из элементов целого комплекса непростых отношений России с США и НАТО. Наконец, афганско-пакистанская ситуация влияет и на отношения России с крупными державами за пределами Запада, такими как Китай, Индия, Иран, Саудовская Аравия. Если же говорить о политическом мышлении, то на рациональный расчет исходя из реальных интересов и существующих угроз, конечно, накладывается болезненный опыт СССР в Афганистане — «афганский синдром» — и опыт, полученный постсоветской Россией в Чечне, Дагестане, Ингушетии, Таджикистане.

В числе предполагаемых угроз в первую очередь следует отметить две. Первая — возможная дестабилизация Центральной Азии в случае падения правительства Карзая и ускоренного вывода американско-натовского контингента. В этом сценарии есть оттенок дежавю: в свое время, придя к власти в Афганистане, талибы поощряли центральноазиатских исламистов и предоставляли в распоряжение чеченских мятежников тренировочные лагеря. Россия опасается волны исламистского радикализма по всему региону и возобновления активности мятежников в Узбекистане и Киргизии. У Москвы нет достаточной уверенности ни в устойчивости центральноазиатских режимов, ни в собственной способности изолировать регион от влияния талибов в случае их победы. В то же время в России существуют разные мнения относительно масштабов этой угрозы. Некоторые эксперты придерживаются своего рода «теории домино» и предполагают, что «зона катастрофы» распространится вплоть до

российских границ, но большинство полагает, что талибы ограничатся контролем над территорией самого Афганистана.

Вторая угроза носит еще более реальный и серьезный характер. Речь идет об афганском наркотрафике. В последнее время Россия из в основном транзитной страны превратилась в одного из крупнейших потребителей афганских героина и опиатов. Согласно данным ООН по годовому объему потребления героина (70 т) Россия лишь незначительно уступает всем странам Европы вместе взятым (88 т). Из примерно 100 тыс. наркоманов, ежегодно умирающих по всему миру, 30—40 тыс. — россияне. Российские официальные лица указывают: после падения режима талибов и появления в Афганистане коалиционных сил производство наркотиков в этой стране резко возросло (в 44 раза, по словам главы Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Виктора Иванова). Москва всерьез обеспокоена этой проблемой.

Что же касается самого Афганистана, то к нему Россия, напротив, не питает особого интереса. В прошлом Российскую империю вполне устраивало, что эта страна служит буферной зоной между ее центральноазиатскими владениями и Британской Индией. Москва также ценила нейтралитет Афганистана в «холодной войне» — в отличие от американских союзников Пакистана и Ирана, а также Китая, у которого возник собственный похожий конфликт с СССР. Переворот левого толка, после которого новая власть провозгласила Афганистан «клиентом» Москвы, стал для советского руководства сюрпризом, и на интервенцию оно пошло с большой неохотой, когда возникла угроза падения режима и заполнения вакуума американцами. Когда после десятилетнего конфликта советские войска ушли, Россия предпочла вообще забыть об Афганистане — до тех пор, пока у власти не оказались талибы. В настоящее время основные цели Москвы в Афганистане — не допустить полной победы «Талибана» (фактически руками коалиции во главе с США), поставить заслон потоку наркотиков из этой страны, особенно на территорию России, а также добиться мирного урегулирования в Афганистане и его нейтралитета, чтобы он вновь мог стать буфером между Центральной Азией и Большим Ближним Востоком.

Экономические интересы России в Афганистане сейчас довольно скромны. Товарооборот между двумя странами составляет чуть меньше 200 млн долл. (по данным за 2008 г.). В принципе Россия заинтересована в освоении нефтегазовых месторождений, открытых еще советскими геологами на севере Афганистана. Но в настоящее время, если речь идет об этом регионе, российские деловые круги предпочитают вкладывать капиталы в соседних странах Центральной Азии, которые располагают большими запасами полезных

**Сегодня Россия
смотрит на Афганистан
в основном
через призму угроз
собственной безопас-
ности и безопасности
своих соседей
в Центральной Азии.**

ископаемых, лучше знакомы россиянам и намного более безопасны, чем Афганистан. Россияне также считают (возможно, ошибочно), что американское влияние в Афганистане сводит к минимуму их шансы вести бизнес в этой стране. Более того, у России в Афганистане появился мощный экономический конкурент в лице Китая. Китайские фирмы, в частности, одержали победу над российскими компаниями в тендере на разработку месторождения меди Айнак, одного из крупнейших в мире. Как это ни парадоксально, экономические интересы России в Афганистане в большей степени строятся по принципу «от противного». Так, чтобы защитить свои рынки сбыта, «Газпром» пытается заблокировать проекты по строительству газопровода из Туркмении в Пакистан и даже нефтепровода из пакистанского порта Гвадар в Китай.

Интересы России в Афганистане прежде всего касаются севера страны, населенного в основном таджиками и узбеками. Там Москва продолжает поддерживать тесные контакты, которые она в свое время установила с Северным альянсом. Северные районы Афганистана напрямую связаны с Центральной Азией, которую Россия старается сохранить в своей орбите. Именно в этом заключается основная цель Москвы в регионе. Однако в данном случае ее амбиции превышают реальные возможности. Россия не является притягательным магнитом для соседей. В свою очередь, государства Центральной Азии не хотят выглядеть клиентами Москвы: наглядное свидетельство тому — их отказ признать независимость Абхазии и Южной Осетии. В то же время Россия умело играет на опасениях центральноазиатских стран, не желающих превращения Афганистана в базу для их собственных радикалов. Цель ее усилий — расширение присутствия российских военных и спецслужб в регионе и укрепление возглавляемой Москвой Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Интересы России в Центральной Азии поддерживаются угрозой победы талибов в Афганистане, если не самим существованием «Талибана».

ПОЛИТИКА РОССИИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ СВОИХ ИНТЕРЕСОВ В АФГАНИСТАНЕ

АФГАНИСТАН:
ВЗГЛЯД
С СЕВЕРА
17

Курс России в отношении Афганистана вызывает определенные споры внутри страны. Публично Москва поддерживает международные усилия по стабилизации обстановки в Афганистане. В декабре 2009 г. президент Медведев, в частности, поддержал новую афганскую стратегию Барака Обамы и предложил помощь Кабулу, Вашингтону и НАТО.

Москву вполне устраивает то, что международная операция в Афганистане проводится в соответствии с мандатом ООН, а параметры восстановления страны после свержения талибов согласованы на Боннской конференции, в которой Россия принимала участие. Хотя немало высокопоставленных российских чиновников втайне желают, чтобы США потерпели неудачу и вслед за Британией и СССР подтвердили репутацию Афганистана как «кладбища империй», прагматичное руководство страны понимает, что поражение Запада приведет к росту радикализма, сдержать который сама Россия будет не в состоянии. Однако идея о размещении в Афганистане российских войск категорически отвергается правительством, подавляющим большинством представителей политической элиты и общественностью: «афганский синдром» сохраняет силу и через двадцать лет после вывода советского контингента.

По другим вопросам мнения в рядах российского истеблишмента различаются. Те, кто считает главным геополитическим противником России Америку, хотели бы, чтобы США увязли в Афганистане надолго, не допуская победы «Талибана», но и не будучи в состоянии одержать над ним верх. Они считают, что Москва должна занимать позицию стороннего наблюдателя, не оказывая серьезной помощи американско-натовским войскам в Афганистане, и быть готовой заключить сделку с талибами, если те в конечном итоге окажутся сильнее. Слишком активная поддержка Карзая сегодня, утверждают они, повредит интересам России в том случае, если его режим проиграет. На другом полюсе находятся сторонники значительно более тесного сотрудничества с Соединенными Штатами и НАТО по Афганистану. Они надеются, что, сыграв для США роль друга в

беде, Россия сможет изменить политику Вашингтона по вопросам, имеющим для Москвы принципиальное значение — прежде всего касающимся постсоветского пространства. Представителям первой группы такая точка зрения представляется наивной. Третья группа, следуя более прямолинейной логике, полагает, что победа коалиции в Афганистане как таковая выгодна России, поскольку она устранил наиболее серьезную на сегодня внешнюю угрозу ее безопасности. В результате взаимоналожения этих трех основных позиций Москва оказывает помощь, пусть и скромную, афганскому правительству и коалиции.

Чтобы быть в курсе развития событий, Москва поддерживает регулярные контакты с Хамидом Карзаем, чиновниками из его правительства и некоторыми полевыми командирами на местах. Россия также оказывает Кабулу кое-какую военную помощь. Она выразила готовность обучать афганских полицейских и офицеров вооруженных сил, а также поставлять правительству Карзая оружие, военное снаряжение и запчасти. В будущем Москва планирует «вернуться» в Афганистан (российское посольство в Кабуле вновь открылось в 2007 г.), однако она желает подстраховаться, не будучи уверенной в прочности режима Карзая и готовности Запада идти до конца. Если нынешняя власть устоит, она не хочет оказаться в плохих отношениях с ее преемниками. Проводя такой курс, Москва надеется обеспечить себе определенное политическое влияние — в основном для того, чтобы гарантировать, что Афганистан не будет использован другими странами против российских интересов, в том числе экономических. До недавних пор Россия пользовалась симпатией среди группы высокопоставленных афганских деятелей, с которыми она установила дружеские связи еще в 1980-х и 1990-х годах. Москва, однако, не использовала представившийся в начале нового века шанс превратить эту группу в нечто вроде пророссийского лобби. Руководство России либо не слишком впечатляли способности потенциальных лоббистов, либо оно фактически списало Афганистан со счетов. Аналогичным образом Москва не стала использовать своих друзей среди иракских баасистов, когда они вновь обрели определенное влияние через несколько лет после американского вторжения и свержения Саддама Хусейна.

В том, что касается будущего внутривнутриполитического устройства Афганистана, Москва проявляет прагматический подход. Она, несомненно, хочет, чтобы в стране, граничащей с тремя центральноазиатскими государствами, установилась стабильность. В то же время российское руководство осознает, что государственность, построенная на «пуштунском фундаменте», может не отвечать интересам его номинальных союзников: Узбекистана и Таджикистана, а также Туркмении. Если этот вопрос возникнет, следует ожидать, что группы,

**«Афганский синдром»
сохраняет силу
и через двадцать
лет после вывода
советского
контингента.**

связанные с Ташкентом, Душанбе и Ашхабадом, будут осуществлять определенную лоббистскую деятельность в Москве, пытаясь смазать различия между пуштунами и «Талибаном».

Россия подписала с США, Германией, Францией и Испанией соглашения о транзите военных грузов небоевого назначения, а в некоторых случаях также личного состава, оружия и военного оборудования, через свою территорию по железной дороге и по воздуху: разрешено до 4500 пролетов в год. Этим Москва стремилась повысить свои акции в глазах США, а также продемонстрировать привилегированный характер отношений с некоторыми ключевыми государствами континентальной Европы.

Россия также пытается наладить сотрудничество с США в борьбе с афганским наркотрафиком. Она считает, что наиболее эффективным способом решения этой проблемы является сокращение производства опиума в самом Афганистане. За его пределами, утверждают российские чиновники, цена наркотиков так велика, что остановить их поток практически невозможно. В действительности высокий уровень коррупции в России и центральноазиатских государствах, а также низкая эффективность органов наркоконтроля являются более значимыми факторами. По данным ООН, правоохранные органы России и стран Центральной Азии перехватывают лишь 4—5% поступающих на их территорию наркотиков — куда меньше, чем Иран, Пакистан и Китай (соответственно 20%, 18% и 17%). Ирану, кроме того, приходится отслеживать пути поставок из Туркмении, через которую реэкспортируются произведенные в Афганистане наркотики.

Кроме того, Москва давно уже предлагает НАТО установить межблоковые отношения с возглавляемой Россией ОДКБ. Это считается важным свидетельством признания Западом военно-политического приоритета России в Центральной Азии. Однако, несмотря на поддержку этой идеи со стороны Збигнева Бжезинского, Атлантический альянс не проявляет к ней интереса. Россия собственными силами преобразовала свою недоукомплектованную мотострелковую дивизию, размещенную на территории Таджикистана, в небольшую военную базу вблизи афганской границы; у нее также есть небольшая авиабаза в Канте (Киргизия). Кроме того, Москва хочет получить в свое распоряжение еще одну базу на юге этой страны, чтобы превратить ее в форпост ОДКБ.

Одновременно Россия пытается снизить уровень военного присутствия США в Центральной Азии. В 2005 г. она использовала формат Шанхайской организации сотрудничества, чтобы потребовать вывода американских войск из региона. Москва также оказывала давление на Киргизию, чтобы та последовала примеру Узбекистана и закрыла

американскую базу на своей территории. Однако недавняя активизация боевых действий в Афганистане и необходимость увеличения американо-натовского контингента в этой стране (что Россия в общем поддерживает) противоречат ее стремлению вытеснить американских военных из Центральной Азии. России приходится довольствоваться периодическими намеками в виде совместных учений стран ШОС, проводящихся с двухлетним интервалом начиная с 2005 г., на то, что вооруженные силы США не являются единственным военным фактором в регионе.

СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И ДРУГИХ ДЕРЖАВ

АФГАНИСТАН:
ВЗГЛЯД
С СЕВЕРА
21

Москва считает, что ее позициям в Центральной Азии угрожают другие государства, и прежде всего США, которые она рассматривает и в этом регионе, и на большинстве других направлений как «другое государство номер один». Этот факт с особой наглядностью демонстрирует главное противоречие подхода России. С одной стороны, операция США/НАТО в Афганистане направлена против весьма серьезной угрозы безопасности России, с другой — она же превратила Соединенные Штаты во влиятельного игрока в Центральной Азии в ущерб России, как считает Москва. Когда Путин в 2001 г. согласился на предоставление США права использовать авиабазы в Узбекистане и Киргизии, он четко оговорился, что это военное присутствие должно носить временный характер — до стабилизации обстановки в Афганистане. Однако «стабилизация» уже затянулась на восемь с лишним лет.

Впрочем, еще более масштабный, фундаментальный и долгосрочный вызов положению России в Центральной Азии, чем проникновение США в регион, связан с возвышением Китая. Но Москва, традиционно испытывающая аллергию на экспансионизм других держав в военной сфере, сравнительно толерантно относится к их экономическому влиянию, а Китай в отличие от Америки действует в Центральной Азии именно экономическими методами. Кроме того, Россия по-прежнему считает своим основным конкурентом США, а не Китай. Для противодействия и сдерживания американского влияния в регионе Москва совместно с Пекином превращает ШОС в крупный международный форум: туда наряду с Китаем, Россией и центральноазиатскими государствами входят такие крупные игроки, как Индия, Пакистан и Иран. Афганистан, как и три эти страны, имеет в ШОС статус наблюдателя. В марте 2009 г. ШОС провела в Москве конференцию по Афганистану, но главная цель организации состояла в том, чтобы привлечь к себе внимание. В качестве международного института ШОС, чей бюджет составляет всего 4 млн долл., не в состоянии играть существенную роль во внутриафганских событиях, в том числе и роль посредника между кабульским правительством и какими-либо элементами в рядах «Талибана». Ее специализацией,

и весьма полезной, остается проведение региональных саммитов, и в этом качестве ШОС может служить площадкой для контактов по афганскому вопросу.

По Афганистану Китай и Россия действуют параллельно, а не совместно. У них нет общей позиции. Пекин, особенно после беспорядков в Синьцзяне в 2009 г., проводит различие между сторонниками «аль-Каиды» в «Талибане» и более националистическими группировками. Он выступает за переговоры с последними в качестве способа добиться мирного урегулирования. Общий настрой Китая на диалог контрастирует с жестким подходом Индии, отвергающей любые переговоры с талибами.

Афганистан фигурирует и в отношениях России с Индией и Пакистаном. Для Дели корни афганской проблемы связаны с движением «Талибан», которое он считает детищем Исламабада. Таким образом, по мнению индийцев, первопричина кризиса в Афганистане — действия пакистанского руководства, и особенно его военного крыла, направленные на дестабилизацию обстановки в Индии руками исламских экстремистов и укрепление собственного влияния в регионе. За последнее десятилетие уверенность Индии в себе возросла многократно. Великодержавные амбиции Дели превышают его реальные возможности, хотя и они отнюдь не малы. Индийцы хотят, чтобы коалиционные силы оставались в Афганистане, но не уверены, что у Запада хватит для этого воли. Поэтому Дели прорабатывает различные варианты на тот случай, если западные войска уйдут, не выполнив своих задач. Индия наращивает дипломатическое и иное присутствие в Афганистане. Теоретически она, возможно, в какой-то момент даже будет готова направить туда свои войска.

Дели уже много десятилетий является близким партнером и даже полусоюзником Москвы. Индия стала одной из немногих стран, не осудивших советское вторжение в Афганистан в 1979 г. И сегодня политическое присутствие Индии в Афганистане вполне устраивает Россию. Обе страны страдают от терактов и борются с радикальными исламистами. Однако российско-индийские отношения начинают утрачивать реальное содержание. Стороны почти не проводят консультаций и никак не координируют свои действия по Афганистану. Хотя Москва периодически проводит пиар-кампании, преподнося БРИК или РИК как главные опоры «постзападного мироустройства», она отлично понимает, что два ее главных партнера, Пекин и Дели, соперничают друг с другом, и не желает оказаться замешанной в их разногласия.

Наиболее интенсивный характер это соперничество носит в отношениях с Пакистаном. С точки зрения последнего, афганцы — это

Еще более масштабный, фундаментальный и долгосрочный вызов положению России в Центральной Азии, чем проникновение США в регион, связан с возвышением Китая.

в первую очередь пуштуны: между Исламабадом и Кабулом, по обе стороны линии Дюранда, простирается «Пуштунистан». В Пакистане пуштунов проживает больше, чем в Афганистане, и тем не менее, чтобы обеспечить хотя бы минимум стабильности в этой стране, пуштуны должны играть центральную роль в афганском государственном строительстве. Пакистан обладает большими, чем любая другая страна, возможностями способствовать решению вопроса о власти в Афганистане, и стимулов у него тоже больше, чем у кого-либо, поскольку он сильнее всех страдает от нестабильности в соседней стране. Исламабад согласен следовать в фарватере афганской политики США, но не уверен в ее эффективности. Кроме того, поддержка американского курса оборачивается негативными последствиями как для внутривнутриполитической стабильности в Пакистане, так и для его национальных интересов.

Для Москвы Пакистан долгое время был сообщником ее главного противника. Он служил плацдармом для разведывательных операций США против Советского Союза и, что самое главное, основной базой сопротивления советским войскам в Афганистане, а также перевалочным пунктом для зарубежной помощи моджахедам. Россия, однако, не может позволить себе игнорировать ядерную державу, чье население недавно превысило по численности ее собственное. Поэтому, тщательно стараясь не испортить отношения с Индией, Россия налаживает и даже расширяет контакты с пакистанским правительством и военными. Тем не менее в Москве понимают, что мало знают о внутривнутриполитической динамике в Пакистане и еще меньше могут на нее повлиять. Россия по сути считает Пакистан вотчиной США и Китая и надеется, что в крайнем случае эти две державы не допустят развития событий по наихудшему сценарию (с расползанием ядерного оружия).

Контакты Москвы с Тегераном носят более широкий и углубленный характер, чем с Исламабадом, но между ними существуют и противоречия. Для России Иран — один из главных и все более влиятельных игроков в регионе, а также немаловажный экономический партнер — особенно в энергетической сфере. При всех трудностях, которыми сопровождается диалог с Ираном, россияне считают иранское руководство вполне рационально мыслящим и временами даже готовым к сотрудничеству. В середине 1990-х годов Москва и Тегеран совместными усилиями положили конец гражданской войне в Таджикистане — это был по сути единственный по-настоящему урегулированный конфликт на постсоветском пространстве. Кроме того, Россия несомненно выиграла от благожелательного отношения Ирана к ее действиям в Чечне и дружественной позиции в Организации «Исламская конференция». В том, что касается Афганистана,

Москва считает Иран стабилизирующим фактором в провинции Герат и своим партнером в борьбе с наркотрафиком.

Россия, конечно, не в состоянии повлиять на действия Ирана в Афганистане. В целом Тегеран в последнее время старается активно не вмешиваться в развитие событий в соседней стране. Он выступает за национальное примирение в Афганистане на основе раздела власти между пуштунами и другими этническими группами. При этом у него есть и собственная заинтересованность в таком примирении: на иранской территории до сих пор находятся 2—3 млн афганских беженцев, и Тегеран хочет, чтобы они смогли вернуться на родину. Их насильственная депортация может обернуться негативными последствиями, но иранское руководство способно пойти на такой шаг хотя бы для того, чтобы продемонстрировать Вашингтону: Иран — это фактор, с которым нельзя не считаться. В то же время Иран обеспокоен тем, что при восстановлении в Афганистане суннитского государства в граничащих с этой страной регионах, населенных суннитами, может произойти дестабилизация обстановки.

Наконец, Россия, в отличие от СССР в период вторжения в Афганистан, поддерживает если не особенно близкие, то по крайней мере активные и в целом дружественные отношения с Саудовской Аравией. Москва изо всех сил старается показать себя другом исламского мира и уже получила статус наблюдателя в Организации «Исламская конференция».

МОЖНО ЛИ ПРИМИРИТЬ ВСЕ ЭТИ ИНТЕРЕСЫ?

Из изложенного очевидно, что по Афганистану антагонистических противоречий между интересами России и других главных игроков не существует. Более того, по многим ключевым вопросам эти интересы довольно близки. В 2001 г. Россия была де-факто союзником коалиции, сыграв существенную роль (в политическом плане и предоставляя разведданные) в свержении талибов войсками Северного альянса. После этого Москва решила не вмешиваться в афганские политические процессы и не оспаривать влияние Соединенных Штатов на администрацию Карзая. Ареной геополитического соперничества России с США служит не Афганистан, а бывшие советские республики Центральной Азии, а также Каспийский и Кавказский регионы. Даже там, однако, речь идет не о новом варианте «большой игры», а о том, что новые государства в регионе стремятся к подлинной независимости от прежнего гегемона и учатся действовать на международной арене, выбирая ориентацию и балансируя между великими державами. Мечта Москвы о мягком господстве в Центральной Азии мечтой и останется.

Для ответа на вопрос, поддержит ли Москва цели США в Афганистане, наибольшее значение имеет общий контекст российско-американских и соответственно российско-натовских отношений. Такие устремления администрации Буша, как идея дальнейшего расширения НАТО в постсоветском пространстве (включая Грузию и Украину), поддержка Вашингтоном грузинского президента, вознамерившегося решить межэтнические конфликты в своей стране силовыми методами, и американские планы по размещению вблизи российских границ объектов противоракетной обороны, способных в какой-то степени ослабить ее потенциал сдерживания, отнюдь не стимулировали поддержку Россией усилий США и НАТО в Афганистане. Теперь, когда эти раздражители сняты с повестки дня (по крайней мере на срок пребывания у власти администрации Обамы), в Москве утвердилось мнение, что общая атмосфера российско-американских отношений больше способствует двустороннему сотрудничеству, в том числе и по афганскому вопросу.

КАК ОБЕСПЕЧЕНИЕ РОССИЕЙ СОБСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОВЛИЯЕТ НА СТАБИЛИЗАЦИЮ В АФГАНИСТАНЕ И УСПЕХ КОАЛИЦИИ В ЭТОЙ СТРАНЕ

АФГАНИСТАН:
ВЗГЛЯД
С СЕВЕРА
27

Пока политика России в целом созвучна целям и усилиям коалиции в Афганистане. Спектр реалистичных политических концепций в Москве варьируется от пассивной до активной поддержки США и НАТО. Однако даже активизация поддержки Россией коалиционных сил в Афганистане лишь незначительно повлияет на исход руководимых там Соединенными Штатами операций. Кроме того, необходимо помнить, что в своих действиях в Афганистане Москва не видит необходимости руководствоваться соображениями общего блага — такими, как скорейшее прекращение войны, установление мира и стабильности в регионе и др. Для нее это скорее средство усиления собственных геополитических позиций и получения материальных выгод. Кроме того, Афганистан играет роль ее козыря для торга в российско-американских отношениях в целом.

В Москве порой раздаются голоса в поддержку более энергичных действий. В 2008—2009 гг. несколько экспертов высказали идею об участии России в индустриализации Афганистана. Эта точка зрения отразилась и в предложении российского правительства на Лондонской конференции по Афганистану в январе 2010 г. взять на себя восстановление и модернизацию 142 предприятий, построенных в этой стране Советским Союзом. Однако Москва рассматривала эту задачу как бизнес-проект для российских компаний, а не как помощь в целях развития, и запросила соответствующее финансирование и гарантии безопасности. Естественно, из этого плана ничего не вышло. Впрочем, Москва удовлетворилась тем, что его выдвинула, и отказ западных доноров поддержать проект ее не расстроил.

Главная задача в этой стране должна состоять в том, чтобы усадить нынешнюю власть и оппозицию за стол переговоров для обсуждения условий нового национального примирения.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Администрация США приняла в принципе решение энергично добиваться своих новых, более скромных по масштабу целей, чтобы к концу нынешнего президентского срока Барака Обамы иметь возможность вывести основную часть войск из Афганистана. Белому дому, однако, необходимо понять, что участие США в делах Афганистана, Ирака и остального мусульманского мира неизбежно носит долгосрочный характер. Его прекращение по принципу «бросить все и уйти» — не вариант, но и быстрых перемен к лучшему ожидать не стоит. Соединенным Штатам придется задержаться на Большом Ближнем Востоке надолго.

Вашингтон, однако, осознает, что масштабное военное присутствие в регионе — это преимущество, способное обернуться серьезным изъяном. Победа в Афганистане в традиционном военном смысле невозможна. Военные операции должны лишь спровоцировать раскол в рядах талибов, изолировать непримиримых джихадистов (которых в дальнейшем нужно будет преследовать и уничтожать) от тех, чьи интересы связаны в первую очередь с распределением власти в самом Афганистане. Главная задача в этой стране должна состоять в том, чтобы усадить нынешнюю власть и оппозицию за стол переговоров для обсуждения условий нового национального примирения. Вербовка союзников в стане врага — соблазнительный вариант, и он может дать впечатляющие результаты — как когда Владимир Путин сделал своей опорой в Чечне Ахмада Кадырова, а затем его сына Рамзана. Но он может привести и к громкому провалу, как это случилось при попытке навести порядок в Сомали руками глав шариатских судов.

Союзники Америки по НАТО и их воинские контингенты должны сыграть важную роль в переходе афганской ситуации в политическую фазу. Когда же этот этап наступит, Америке необходимо будет в большей степени опираться на своих партнеров, не входящих в Альянс. Первостепенное значение в этой связи будет иметь влияние Исламабада на талибов, но и другие страны способны сыграть важную роль. Китай, Индия, Россия, мусульманские страны (центральноазиатские, государства Персидского залива и другие, например, Малайзия и Марокко) могут содействовать в установлении контактов

между различными афганскими фракциями и помочь попытаться убедить их в необходимости компромисса. И время для координации этих международных усилий уже пришло. США могли бы делать это посредством двусторонних контактов со всеми заинтересованными союзниками и партнерами. НАТО, в свою очередь, может взаимодействовать с Россией по Афганистану через уже существующий совместный совет. Урегулирование в Афганистане способно также стать основой для институционализации спорадических на сегодняшний день контактов между НАТО и Китаем. Возможно и взаимодействие Атлантического альянса с государствами Центральной Азии в рамках специально созданной рабочей группы НАТО и ОДКБ, чтобы держать Москву в курсе. И, несомненно, необходима выработка некоего *modus operandi* по Афганистану между США и одним из ключевых игроков — Ираном.

ОБ АВТОРАХ

АФГАНИСТАН:
ВЗГЛЯД
С СЕВЕРА
33

Тренин Дмитрий Витальевич — директор Московского Центра Карнеги, руководитель программы «Внешняя политика и безопасность».

Малашенко Алексей Всеволодович — доктор исторических наук, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность».

SUMMARY

The Afghanistan problem has many angles, but a view from the North—the perspective of Russia—has been missing from many previous analyses. Russia is entwined in a complex web of relationships with the Afghan parties, neighboring states, and the West. While some in Russia retain distrust of the West's intentions, the general feeling is that Russia needs the Western countries' participation to bring stability to the region and — particularly important from Russia's perspective—to stop the trafficking of narcotics from Afghanistan.

The outcome of that Western involvement in Afghanistan is likely to be determined by whether an acceptable and stable power-sharing arrangement can be reached among the Afghan people themselves. Such an agreement will require reaching an accommodation between the Pashtuns and the other ethnic groups and finding a balance between the authority of the Kabul government and the many autonomy-minded provinces and tribes. Foreign forces in Afghanistan have the important role of hunting down terrorists and degrading the power of those who harbor them, but becoming too involved in a domestic conflict is a recipe for failure.

О ФОНДЕ КАРНЕГИ

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

**ФОНД КАРНЕГИ
ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР**

Carnegie Endowment
for International Peace
1779 Massachusetts Ave., NW
Washington, DC, 20036, USA
Тел.: 1 202 483 7600
Факс: 1 202 483 1840
Email: info@CarnegieEndowment.org
www.CarnegieEndowment.org

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва
Тверская ул., 16/2
Тел.: 7 495 935 8904
Факс: 7 495 935 8906
Email: info@Carnegie.ru
www.Carnegie.ru

ОФИС КАРНЕГИ В ПЕКИНЕ

Room 513, Chang Xin Building
39 Anding Road, Chaoyang District
Beijing, 100029, China
Тел.: 86 10 6443 6667, доб. 627
Факс: 86 10 6894 6780

КАРНЕГИ–ЕВРОПА

Carnegie Brussels Office
Avenue d'Auderghem, 82
1040, Brussels, Belgium
Тел.: 32 2 735 5650
Факс: 32 497 704 961
Email: brussels@ceip.org
www.CarnegieEurope.eu

КАРНЕГИ–БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Carnegie Middle East Center
Emir Bechir Street, Lazarieh Tower
Bloc A, Bldg. 20261210, 5th flr.
P.O. Box 11-1061
Downtown Beirut, Riad El Solh
Lebanon
Тел.: 961 1 99 1491
Факс: 961 1 99 1591
Email: info@Carnegie-mec.org
www.Carnegie-mec.org

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

ВАШИНГТОН ■ МОСКВА ■ ПЕКИН ■ БЕЙРУТ ■ БРЮССЕЛЬ